

ДЖЕЙН БЕРБЭНК
ФРЕДЕРИК КУПЕР

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ИМПЕРИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Б48

Оригинальное издание:
Jane Burbank and Frederick Cooper
EMPIRES IN WORLD HISTORY.
Power and the politics of difference

Перевод с английского Е.В. Матвеевой, А.В. Буторова
Оформление обложки А.И. Орловой
Печатается с разрешения автора и издательства Princeton University Press

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат
ООО «Издательство АСТ».

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Бербэнк Джейн, Купер Фредерик

Б48 Взлет и падение великих империй / Д. Бербэнк, Ф. Купер; пер.
с англ. Е.В. Матвеевой, А.В. Буторова. – Москва: АСТ, 2015. – 528 с.: ил. –
(Великие империи).

ISBN 978-5-17-086971-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-1-691-12708-8 (англ.)

Империя – удивительно долговечная форма государственного устройства. Османская империя существовала 600 лет, Византия прожила тысячелетие, а китайские династии сменяли друг друга более 2 000 лет. В настоящей книге подробно описан арсенал управленческих стратегий в различных исторических условиях, а также конфликты, возникавшие в разнообразных властных структурах. Авторы подробно рассматривают сложные вопросы межимперских отношений, которые ковали мировую историю.

В этой книге:

- причины взлета, расцвета и упадка империй;
- предшественники и последователи великих держав;
- соперники и союзники вождей и правителей;
- различные взгляды на их судьбы и многое другое.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-086971-8

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-1-691-12708-8 (англ.)

© Princeton University Press, 2010

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

Глава 1

ТРАЕКТОРИИ ИМПЕРИЙ

В современном мире насчитывается около двухсот государств. Каждое из них гордится символами своего суверенитета – флагом и местом в ООН. Они являются членами мирового сообщества, связанными международным законодательством. А ведь этому миру национальных государств, который мы принимаем как должное, едва исполнилось шесть десятков лет.

Большинство людей на протяжении тысячелетий принадлежали к политическим объединениям, представлявшим далеко не единственный народ. Образование государств на основе определенной нации является новым феноменом, не повсеместным и не везде востребованным. В 1990-е гг. политические лидеры предпринимали первые попытки заставить государства выражать идентичность населяющего его народа: в Югославии, созданной по окончании Первой мировой войны на территории, отвоеванной у Османской империи и империи Габсбургов, и в Руанде, бывшей бельгийской колонии. Потуги создать однородную нацию привели к массовому убийству сотен тысяч человек, прежде мирно существовавших бок о бок. Более восьмидесяти лет после падения Османской империи сунниты, шииты, курды, палестинцы, евреи и многие другие боролись между собой за власть и границы на Ближнем Востоке. На протяжении всего XX века люди пытались разрушить мировые империи и приветствовали их распад. И все же споры вокруг определения нации и принадлежности к ней разгорались по всему миру.

В 1960-е гг., после утраты большинства заморских территорий Франция, Великобритания и другие бывшие колониальные империи, где некогда проживала почти треть мирового населения, стали больше подходить под определение национальных государств. Но все это лишь для того, чтобы уступить некоторые из прерогатив Европейскому экономическому сообществу, а позднее Евросоюзу. Распад Советского Союза, а с ним и всей коммунистической империи, породил много новых суверенных государств. Некоторые из них провозгласили себя многонациональными – например Российская Федерация, – а другие – к примеру Узбекистан и Туркменистан – стремились создать гомогенную нацию из разных народностей, проживавших на их территории. В Центральной Европе главы некоторых постсоветских государств – Чехии, Венгрии, Польши и других – пошли по другому пути, отказавшись от некоторых вновь обретенных властных полномочий в пользу ощутимых преимуществ принадлежности к более крупному политическому образованию – Евросоюзу.

Все эти споры и неопределенность вокруг суверенитета во всем мире наводят на мысль, что исторические пути развития гораздо сложнее, нежели простая трансформация империй в национальные государства. Империи, сознательно поддерживающие разнообразие завоеванных и ассимилированных народов, долгое время играли решающую роль в истории человечества. На протяжении почти двух тысяч лет благодаря империям и соперничеству между ними в отдельных областях и по всему миру возникли такие обстоятельства, при которых люди организовывали группы – например этнические или религиозные в рамках сообществ переселенцев, колонистов и рабов. Несмотря на все усилия – словами ли, войнами

ли – поставить национальную единицу в центр политического воображения, имперская политика, имперские порядки и имперская культура смоделировали мир, в котором мы живем.

В данной книге мы не следуем традиционной линии повествования, неотвратимо ведущей от империи к национальному государству. Напротив, мы фокусируемся на том, как разнообразны были методы создания, отбора и реализации управленческих стратегий, политических идей и человеческого взаимодействия на протяжении долгого времени – от Древнего Рима и Китая до наших дней. Мы исследуем инструментарий имперской власти – разнообразные стратегии, которые они использовали для объединения в одно государство различных народностей, при этом акцентируя различия между ними.

Империи, конечно, никогда не были случайным сплавом разнородных элементов. Насилие и принуждение лежали в самой их основе, согласно этим принципам они функционировали. Успешные державы постепенно обращали свои завоевания в прибыль, для чего им приходилось выдумывать все новые способы обуздать разношерстное население, управлять им и эксплуатировать его. Империи по-разному использовали и контролировали свои трудовые ресурсы: присоединяли или исключали, вознаграждали или изнуряли, разделяли власть над ними или усиливали ее. Империи завязывали и пытались контролировать международные связи и контакты. При некоторых обстоятельствах население чувствовало выгоды от присоединения новых территорий: тогда на глазах рождалось могущественное государство. Иными словами, империя являлась политической реальностью, в которой они жили. Люди трудились на предприятиях, поддерживающих имперскую экономику, являлись членами организаций, подпитываемых имперскими контактами, добивались власти и удовлетворения или же выживали в условиях, созданных имперскими законами и соперничеством между империями. Время от времени люди находили способы сбежать, подорвать и разрушить механизмы имперского контроля. В других случаях они искали способы создать собственную империю или занимали место во главе созданных чужими руками. Империи вызвали политические дискуссии, провоцировали нововведения и конфликты, вдохновляли вплоть до начала XX века. Даже сегодня империю как форму, не как название, считают политически возможной.

Империя оказалась удивительно долговечной формой государственного устройства. Османская империя существовала шестьсот лет, а китайские династии сменяли друг друга более двух тысяч лет, перетягивая императорскую мантию с плеч предшественников. Римская империя властвовала на территории западного Средиземноморья шестьсот лет, а ее родственница Византия прожила целое тысячелетие. Рим оставался образцом величия и порядка вплоть до XX века, и это не предел. Россия веками применяла имперские методы управления по отношению к своему пестрому в национальном смысле населению. В таком контексте национальные государства представляются маленьким пятнышком на горизонте истории, совсем недавно возникшем на имперском небосводе. Их влияние на политическое мышление может оказаться преходящим и незначительным.

Поразительная жизнестойкость империй ставит под сомнение ту точку зрения, что национальные государства – явления естественные, необходимые и неизбежные. Тем самым она заставляет нас присмотреться к огромному разнообразию взглядов на политику и формы государственного устройства, которые за века смогли выдумать человечество. Изучение истории империй не предполагает их восхваления или осуждения. Напротив, понимание политических альтернатив, какими они представлялись людям прошлого, обнажает их потребности и предпринятые в связи с ними меры: они изменили реальность несколько веков назад, создали настоящее, и, возможно, повлияют на наше будущее.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ВЛАСТИ

Настоящая книга не рассматривает все империи во все времена и на всех территориях. Она фокусируется на ряде государств, истории которых были особенными, оказали существенное влияние и во многих случаях тесно переплетались. Не все империи были одинаковы: они создавали, адаптировали и передавали последователям индивидуальные способы правления. Последующие главы описывают арсенал управленческих стратегий, оказавшихся уместными в различных исторических условиях, конфликты, возникавшие в разнообразных властных структурах, а также дискуссионные вопросы внешней политики, которые, в общем и целом, ковали мировую историю.

Механизм управления империей – не выверенный алгоритм и не набор трюков, которые тасуют, чтобы после вытянуть один наугад. Ежедневно сталкиваясь с проблемами, империи импровизировали и изменялись. Но, как и живые организмы, они имели свои привычки. Прошлое и конкретный исторический контекст подсказывали политическим лидерам решения в сложившихся ситуациях. Они обращались к наработкам других империй, оказавшихся в подобных условиях, а также к опыту народов, земель которых жаждали воинственные предки. Люди, населявшие эти земли, могли сопротивляться, приспосабливаться или использовать вмешательство более могущественного государства в своих интересах. Представив механизм управления империей как гибкую, обусловленную географическим положением и историческим опытом, но открытую новому систему, мы сможем избежать разграничения, заведомо ошибочного, преемственности и перемен, случайности и предопределенности. Вместо того мы внимательнее взглянем на факторы, определившие управленческие стратегии империй.

Мы не считаем, что каждое значительное государство было империей. На наш взгляд, почти на всем протяжении истории человечества империи и их внешние связи определяли контекст, в соответствии с которым народы оценивали свои политические возможности, воплощали амбиции и выстраивали общества. Большие и малые государства, бунтовщики и верноподданные – все, кого хоть немного интересовала политика, должны были принимать во внимание империи, их системы

управления и взаимодействия друг с другом. В третьей главе мы попытаемся ответить на вопрос, стоит ли мир все еще на этом фундаменте.

Мы начнем с Китая и Рима в III тысячелетии до н.э. не потому, что это были первые империи: им предшествовали египтяне, ассирийцы, персы, масштабные завоевания Александра Македонского, древнейшие китайские династии. Дело в том, что эти два государства на долгое время стали ориентиром для амбициозных политиков. Обе державы разрослись до невероятных размеров, они создали экономику мирового масштаба (масштаба, которого они достигали физически) посредством объединения торговли и производства в покоренных землях, выстроили административную систему, поддерживавшую власть на протяжении веков, создали культурную канву для прославления своих побед и на долгие годы примирились с имперским стилем правления. Их основные принципы – опора на класс обученных и верных власти чиновников в Китае и наделение полномочиями (по крайней мере в теории) граждан Рима – имели глубокое влияние на представления людей о государстве и их месте в нем.

Далее мы рассмотрим государства, пытавшиеся занять место Рима, – гибкую Византию, динамичные, но раздробленные исламские халифаты и недолговечную династию Каролингов. Соперники друг для друга, они положили в основу государственности религиозную идею, и история созданных их руками государств демонстрирует возможности и ограничения воинствующего монотеизма как орудия власти. Стремление уничтожить неверных или обратить их в истинную религию мобилизовало и христиан, и мусульман. Оно также спровоцировало расколы внутри империй, религия которых была единственно верной, а власть – Богом данной.

В XIII веке Монголия силами Чингисхана и его последователей была преобразована в крупнейшую по своим размерам империю за всю историю человечества, которая стояла на противоположном принципе – прагматичном подходе к религиозным и культурным различиям. Монгольские ханы обладали техническими преимуществами, как то: кочевой образ жизни и мобильная, в значительной степени самодостаточная и крепкая армия. Но именно благодаря емкому пониманию имперского общества монголы быстро усвоили достижения и освоили ресурсы завоеванных ими народов. Им в равной степени были присущи насилие, защита разных религий и культур и поощрение преданности монгольским ханам.

Монголы принципиально важны для нашего исследования по двум причинам. Во-первых, их управленческая стратегия оказала влияние на политику огромного континента – на Китай, Российскую и Османскую империи и, само собой, на Империю Великих Моголов. Во-вторых, в то время на западе Евразии, то есть в современной Европе, ни одно государство еще не распоряжалось ресурсами и людьми на столь значительной территории, тогда как монголы контролировали торговые пути от Черного моря до Тихого океана, сделав возможным обмен знаниями, товарами и стратегиями управления. Мы вежливо обойдем вниманием другие империи, располагавшиеся на территории современного Ирана, в Южной Индии, Африке или других частях земного шара, хотя они также стимулировали связи и товарообмен задолго до возникновения великих европейских держав.

Именно богатства и активность Азии привлекали европейцев. Они рассчитывали, что стремление на Восток послужит стимулом для развития торговли и транспорта, откроет новые возможности. Мы не станем рассуждать об Испании, Португалии, Франции, Нидерландах и Великобритании в рамках так называемой «европейской экспансии». В XV–XVI веках Европа отнюдь не была единой, а одни только географические регионы нельзя считать действующими лицами мировой политики. Вместо того мы расскажем о перестановках в отношениях между империями – о динамическом процессе, последствия которого стали очевидны лишь много лет спустя.

Европейская морская экспансия стала возможной благодаря трем факторам: а) ценным товарам, которые производили и обменивали в сфере китайского влияния; б) препятствиям, связанным с господством Османской империи в Восточном Средиземноморье и в районе восточных сухопутных торговых путей; в) неспособности правителей Запада восстановить римское единообразие на территории, занимаемой враждующими монархами, представителями крупных династий, феодалами, их могущественными сторонниками и городами, защищавшими свои права. Именно эта глобальная расстановка сил и ресурсов привела европейских моряков в Азию, а позднее, благодаря случайному открытию Колумба, в обе Америки.

Новые связи в конце концов изменили мировую экономику и политику. Но до однополярного мира с центром в Европе было еще далеко. Португальская и голландская морские державы пытались умерить торговую активность конкурентов: они гарантировали производителям и местным властям в Юго-Восточной Азии, откуда поставлялись специи и ткани, увесистую долю в международной торговле. Они зависели от успеха этих попыток. Укрепленные торговые анклавы стали ключевым элементом в управленческой стратегии европейцев. После «открытия» Колумба его монаршие меценаты смогли создать Испанскую империю, упрочив власть на двух континентах и поставляя серебро, которое, кстати, добывалось трудом угнетенных коренных американцев. Это способствовало развитию торговых отношений в Западной Европе, во всей Юго-Восточной Азии и в богатом и динамичном в торговом отношении Китае.

Переселенцы из Европы, африканские рабы и их хозяева создали новые формы имперской политики. Удержать население – аборигенов и не только – от побега в соседние империи было непростой задачей. Правителям приходилось привлекать местные элиты к сотрудничеству и внушать людям – дома ли, за морем или на борту кораблей где-то между обоими – понимание своего места в общественной структуре – хоть и неравной, но открытой. Эти усилия не всегда вели к ассимиляции, единообразию или беспрекословному подчинению. Вы увидите, что имели место трения и даже ожесточенные конфликты между хозяевами империй, выходцами из заморских стран, местными сообществами и вынужденными переселенцами.

Империя – в Европе и в любой другой точке мира – не была лишь системой экономической эксплуатации. Примерно в XV веке несколько европейских миссионеров и правоведов пытались выявить отличия между законными и незакон-

ными формами имперской власти. Они обвиняли европейцев в тирании туземных обществ и оспаривали их право присваивать землю и использовать труд завоеванных народов.

Лишь в XIX веке некоторые европейские государства, окрепшие благодаря заморским колониям, получили явное технологическое и материальное преимущество перед соседями. Некоторая часть просвещенной общественности встала в оппозицию рабству, произволу, жестокости правителей. Эти люди поставили вопрос о сущности колоний: считать ли их частью всеобъемлющего государства или местами безнаказанной эксплуатации народов? Более того, Китайская, Российская и Османская империи, а также империя Габсбургов еще не ослабли к тому времени, как утверждает традиционная история. Они делали попытки противостоять экономическим и культурным вызовам и играли решающую роль в конфликтах и взаимодействиях, оживлявших мировую политику. Здесь мы прослеживаем траектории развития этих империй, уделяя внимание традициям, внутренним противоречиям и соперничеству.

Мы постараемся также понять, как сухопутная и морская экспансия повлияла на политическое и социальное устройство. В XVIII и XIX веках Россия и США установили свое господство на целых континентах. Форма правления первой, унаследованная от предшественников и соперников, стояла на абсолютной власти императора – и, конечно же, эксплуатации. Американцы совершили своего рода политическую революцию, обратив популярное стремление к суверенитету против своих британских хозяев. Согласно формулировке Томаса Джефферсона, они создали «Империю свободы». Она разрасталась по мере того, как американцы завоевывали коренные народы и выкупали территории соседних империй. Они доказали, что новые владения можно вписать в уже существовавшие Соединенные Штаты, исключив индейцев и рабов из структуры управления. США остались единым государством после ужасов гражданской войны – кровавом споре о том, как следует управлять.

Великобритания, Франция, Германия и другие европейские страны менее красноречиво высказывались о колониальном господстве, но с удовольствием пользовались неограниченной властью в Африке и Азии в конце XIX века. Однако уже в начале XX века эти державы обнаружили, что управлять африканскими и азиатскими доминионами значительно сложнее, чем захватывать их. Традиционно считалось, что колонисты несли блага цивилизации и экономический прогресс на отсталые территории. Но однажды настало время задуматься, какие формы колониализма были оправданными с точки зрения политики и этики, если таковые вообще имелись.

В XIX и XX веках, как и в XVI в., империи были взаимосвязаны. Различные формы управления – колонии, протектораты, доминионы, государства, втиснутые в рамки доминантной культуры, полуавтономные национальные области – по-разному сочетались внутри них. Человеческие и материальные ресурсы империй превосходили богатства любого национального государства, поскольку они контролировали как смежные, так и отдаленные территории. Соперниче-

ство между ними в XX веке обострилось благодаря появлению в амфитеатре Японии и временному исчезновению Китая. Так одна за другой разразились две мировые войны. Разрушительные последствия этих конфликтов, равно как и противоречивые представления о суверенитете, созревшие в разных составных частях колониальных государств, подготовили почву для распада империй в 1940–1960-е годы. Однако открытым остался вопрос о том, как державы, подобные США, СССР и Китаю, адаптируют структуры власти к изменяющимся условиям.

Что привело к таким глубоким переменам в мировой политике? Считалось, что империи уступили место национальным государствам, которые явились воплощением западных идей о правах, народах и национальном суверенитете. Это утверждение отнюдь не бесспорно. Во-первых, империи существовали на протяжении XVIII века, когда мысли о национальном суверенитете и естественных правах волновали политическое воображение в некоторых частях света. Более того, предполагая, что эти идеи рождались внутри нации, мы неверно толкуем динамику политических перемен. В британской Северной Америке, на французских Карибских островах, испанской Южной Америке и где угодно еще борьба за политический голос, права и гражданство начиналась *внутри* империй, прежде чем перерасти в революции *против* них. Результаты этой борьбы не были однозначно национальными. О взаимосвязи между демократией, нацией и империей продолжали спорить в середине XX века.

Другие исследования по мировой истории говорят о возникновении прототипа государства в «раннем Новом времени». Все они указывают единственно возможный путь к приемлемому, универсальному типу государственности – путь западный. Ученые по-разному судят о рождении «современной» государственной системы. Это мог быть 1648 год, когда был заключен Вестфальский мир, или XVIII век с его инновациями в западной политической теории, или Война за независимость в Америке, или Французская революция. Но взглянув на империи шире и погрузившись в прошлое глубже, мы обнаружим, что государства более двух тысячелетий устанавливали власть в разных частях света.

Англия и Франция усилили позиции в конце XVII–XVIII веках, и это преобразование было следствием их завоеваний. Державы пытались контролировать большие пространства, ресурсы стекались в государственные органы, оборачиваясь высоким доходом и военной мощью. Война между империями в XVIII, XIX и XX веках подготовила почву для революционных течений, бросившим вызов европейским политическим гигантам.

Иными словами, данное исследование объявляет несостоятельным утверждение о том, что нация, современность и Европа задают направление истории. Эта книга толкует прошлое и настоящее, основываясь на анализе некоторых эпизодов из жизни империй. Она объясняет, как имперская власть и конкуренция за право обладать ею на протяжении тысячелетий формировали общества и государства, будили амбиции и воображение, открывали политические перспективы и лишали их.

ИМПЕРИЯ КАК ТИП ГОСУДАРСТВА

Мы вплотную подходим к определению империи и ее отличиям от других форм организации общества. Империи – это крупные политические единицы, образованные за счет экспансии власти. Это государства с четкими внутренними границами и иерархией, необходимыми для распределения новых подданных. Национальное государство, напротив, исходит из единства народа и единства территории, и этот политический феномен претендует на уникальность. Такое государство провозглашает гражданское единодушие, даже если реальность более сложна, в то время как империя открыто заявляет о неравенстве между многочисленными народностями. Государства обоих типов являются открытыми: в обоих случаях обществом управляют доморожденные институты, но национальное государство стремится гомогенизировать свое население и отгородиться от тех, кто обитает за его границами, а империя выходит за свои пределы и старается насильно подчинить народы, чьи отличия намеренно оттеняет. Во втором случае подразумевается, что различные народы в составе государства должны управляться по-разному.

Эти размышления не имеют целью провести четкий рубеж между двумя явлениями. Напротив, они подчеркивают многообразие политических возможностей и противоречий. Часто люди пытались превратить свое государство в единицу иного порядка: требовали автономии у императора во имя его же народа или силились подчинить своей власти соседние народы и создать империю. Даже когда нации стали серьезными игроками, они сосуществовали с империями, что бросало им серьезный вызов. Может ли государство, питающееся от людских и материальных ресурсов одного-единственного народа и заключенное в скромных пределах, выстоять против необъятных держав? Даже в наши дни народы островов в Тихом океане или Карибском море, например Новой Каледонии или Пуэрто-Рико, должны тщательно взвешивать преимущества и недостатки отделения от Франции или США соответственно. Пока существуют политические амбиции и географическое разнообразие, создание империй всегда будет искушением. Пока империи поглощают новые народы и территории, не стремясь сгладить различия между ними, распад таких империй всегда будет в высшей степени вероятным. По этой причине, подобравшись к самой сути понятия «империя», мы сможем осмыслить и всю мировую историю.

Бывали случаи, когда создатели новых государств вполне осознанно строили на их основе независимые империи, – подобно североамериканским революционерам, выступившим в XIX веке против Великобритании. Чаше новообразованные национальные государства стремились найти свой собственный путь развития, как в Африке в конце XX века, после падения колониальной системы. Но вскоре они обнаружили свою уязвимость перед более влиятельными соседями по земному шару. Империи также пытались сформировать нации, предпочтительно на территории другой империи, как это делали в XIX веке британцы, французы, русские и австро-венгры на землях, ранее принадлежавших Османской империи. Не было

и нет проторенного пути от империи к нации или наоборот. Обе структуры ставят проблемы и открывают возможности дальновидным политикам и стратегам. Обе они периодически заимствуют друг у друга свойства и инструментарий.

Какие еще политические единицы следует отличать от империи? Им часто противопоставляются небольшие группы, сходные культурно и зачастую придерживающиеся разделения труда между полами, людьми разных возрастов и статусов, разного происхождения. Некоторые ученые избегают термина «племя» как уничижительного, но другие применяют его к социальной группе, которая может быть гибкой, единой и творческой в политическом отношении. Так, племя способно развиваться, расширяя свою власть над другими, присваивая себе имя и выбирая предназначение. В евразийских степях племена объединялись в крупные союзы, которые иногда трансформировались в империи. Монгольские империи XIII века выросли как раз из племен и племенных союзов.

Тот факт, что империи создавали племена, народы и нации, указывает на фундаментальный принцип их возникновения: империи нельзя привязать к месту или эпохе, они появлялись и возрождались на протяжении тысячелетий на всех континентах. Когда доступ к ресурсам был относительно беспрепятственным, а техническое оснащение – довольно примитивным, даже небольшие преимущества, такие как многочисленные семьи, близость к ирригационным каналам или торговым путям, удача, уверенные в себе и умелые правители, вели к доминированию одной группы людей над другой, появлению племенных династий и привилегированных семейств. Король или вождь мог добиться еще большего могущества, захватив новые земли со скотом, рабами и богатствами, подчинив население. Они не могли посягать на материальные ценности членов своей общины, поскольку им была важна их поддержка. Со временем чужаки поняли, что жизнь под началом сильного и искусного правителя не лишена достоинств. Вдохновленные правители пользовались новыми подчиненными для обработки ресурсов на регулярной, а не выездной основе. Освоение покоренных территорий и торговых путей становилось проще. На культурном или административном единообразии при этом никто не настаивал.

К племенам и королевствам, образованиям с большим имперским потенциалом, можно добавить города-государства. Из древнегреческого полиса развились еще несколько социальных моделей, а в словаре политиков появилось новое слово: полис стал синонимом политической интеграции и гражданского достоинства, определенного набора прав и обязанностей. Как и племя, город-государство не был гомогенной, статичной и изолированной структурой. Греческая демократия существовала только для свободных мужчин, игнорируя женщин и рабов. Города-государства владели прилегающими территориями, делили морские и сухопутные торговые пути, воевали с другими государствами и между собой. Процветавшие полисы, стоявшие на пересечении торговых маршрутов и дипломатических связей, как, например, Венеция или Генуя, становились желанной добычей для империй, пытались конкурировать с ними или разрастались до их размеров, подобно Риму.

Обогащение за счет расширения обрело популярность и сделало империю доминирующей формой государственного устройства. Египетские фараоны, ассирийцы, империя династии Гупта в Южной Азии и династии Хань в Китае, тюрки и другие народы Средней Азии, персы, малийцы, народ государства Сонгай в Западной и зулу в Южной, майя в Центральной и инки в Южной Америке, византийцы, каролинги в Юго-Восточной и Северной Европе, исламские халифаты – все использовали схожую стратегию доминирования через экспансию и построение иерархий.

Зачастую альтернативой империи считают национальное государство, исходящее из того, что «народ» отстоял и заслужил свое право на самоуправление. Эту установку можно интерпретировать иначе. Вообразим государство, которое заставляет своих граждан считать себя единым народом посредством административных и культурных мер. Хотя считается, что оно сформировалось на основе этноса или в результате гражданской инициативы, созидание свойственно ему в той же степени, что и ярко выраженное, политизированное разделение на своих и чужих.

Понятие нации фигурировало в политической мысли с XVIII века, но национальное государство не было единственным антонимом империи ни тогда, ни позднее. Федерация была еще одним вариантом. Это многослойная форма государственности, при которой ряд полномочий остается за субъектами, а остальные сконцентрированы в центре, как в Швейцарии. Конфедерация идет еще дальше, признавая правосубъектность за каждой административной единицей. Как мы увидим в главе 13, в 1950-е годы влиятельные лидеры во французской Западной Африке заявляли, что распаду империи на национальные государства они предпочли бы сосуществование Франции и ее колоний по принципу конфедерации. Канада, Новая Зеландия, Австралия и позднее ЮАР стали автономными в XIX–XX веках, но сохранили связь с Британским Содружеством наций. В XXI веке разные виды конфедераций привлекают внимание политиков в Европе, Африке и по всему миру, поскольку позволяют наделять властными полномочиями институты на любых административных уровнях.

Племена, королевства, города-государства, федерации, конфедерации и национальные государства нельзя назвать естественными единицами измерения политического родства. Они рождались и угасали, трансформировались в империи, вливались в империи, исчезали и появлялись в ходе борьбы между ними. Ни один из перечисленных типов не имеет жесткой привязки к демократии: тирания была и остается возможной в национальных и государствах и в империях. От Римской республики III века до н.э. до Франции XX века встречались империи без императоров вовсе, которые управлялись самыми разными способами и носили самые разные названия: диктаторы, монархи, президенты, парламенты и центральные комитеты стояли в их главе.

Особо примечательной является способность империй создавать контекст для политических трансформаций. Соблазн подчинять и обогащаться дал толчок развитию империй, по этой причине в мире сохраняется напряженность, а разные типы государств открыто противостоят друг другу.

ТЕМЫ

Если империя как тип государства была устойчива во времени, империя как форма правления не была таковой. Данное исследование фокусируется на различных методах трансформации завоевательной политики в управленческую, а также на том, как империи лавировали между интеграцией народов и поддержанием различий между ними. Отслеживая траектории, мы последовательно раскрываем пять нижеследующих тем.

Различия внутри империй

Один из ключевых вопросов, которые мы затрагиваем, касается того, как империи проводили разграничительную политику. Мы используем этот термин в более широком и более нейтральном смысле, нежели современные приверженцы мультикультурализма, добивающиеся признания отдельных общностей и их ценностей. Акцент на культурной аутентичности оказался способным превратить различие в политический инструмент. Политика разграничения могла подразумевать признание самобытности и права народа на самоуправление, но могла также возводить стены между полноправными подданными и чужаками, варварами.

Последние исследования колониальных империй XIX и XX веков подтвердили, что исследователи, миссионеры, ученые, политики и военные, стоявшие у их истоков, проводили черту между «нами» и «ими», колонизаторами и колониями. То есть акцентирование различий, в том числе расовых, не было естественным, а требовало определенных усилий. Особенно в XIX–XX веках империи прилагали колоссальные усилия, пытаясь разграничить пространство так, чтобы наместники и переселенцы из метрополии чувствовали себя как дома, но не ассимилировались с местным населением и не создавали смешанных брачных союзов.

Если мы выйдем за рамки XIX и XX веков и европейского колониального пространства, социальные различия приобретут иное значение как для граждан, так и для государств. Не везде отличия выражались в бинарной оппозиции колонизируемый–колонизатор, черный–белый. Империя могла объединять несколько народов, которые исповедовали свои религии и по-своему вершили правосудие, подчиняясь суверену. Для многих империй целью была лояльность народов, а не достижение внешней схожести между ними. Признание различий, в частности власти местных правителей, помогало поддерживать порядок, собирать налоги, создавать армии. Империи извлекали пользу из навыков и связей, характерных для отдельных сообществ. Различия принимали как факт и шанс, то есть они не были навязчивой идеей.

Всю длительную историю своего существования Римская империя тяготела к насаждению особой культуры, развившейся в процессе экспансии. Рим эксплуатировал греческие достижения и обычаи завоеванных народов Средиземноморья для создания узнаваемого римского стиля в градостроительстве, искусстве и лите-